

Т.В. Савина*

**ГОВОРИТЬ ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ?
ЯЗЫК ПАРТИЙЦА В ЛИТЕРАТУРЕ «ОТТЕПЕЛИ»**doi:10.31518/2618-9100-2022-6-13
УДК 82(091)(-051)

Выходные данные для цитирования:
Савина Т.В. Говорить по-большевистски? Язык партийца в литературе «оттепели» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 164–179.
URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-13.pdf>

T.V. Savina*

**SPEAKING BOLSHEVIK?
THE LANGUAGE OF A COMMUNIST PARTY MEMBER
IN SOVIET PROSE OF THE “THAW” PERIOD**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-13

How to cite:
Savina T.V. Speaking Bolshevik? The Language of a Communist Party Member in Soviet Prose of the “Thaw” Period // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 164–179.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-13.pdf>]

Abstract. Based on the analysis of the “Thaw” period Soviet prose, the article examines the question of destruction of the official Soviet language canon. The article concludes that the destruction of the external form of the language canon occurred at the expense of satirical techniques, while the semantic indivisibility of the language canon was undermined through irony: desacralization of the “meta-text” opened the possibility of its de-ideologization. However, the main ideologemes and myths proved resistant to destruction, since they were not external linguistic markers, but were embedded in the linguistic consciousness of a Soviet man. The Soviet Union was a space modeled by political texts. This space along with the ideologically generalized world-view of “Soviet people” were still not questioned in the literature of the “Thaw” period.

Keywords: “Thaw” Soviet prose, language canon, political meta-text, Soviet identity.

The article has been received by the editor on 15.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе анализа произведений литературы периода «оттепели» рассматривается вопрос о разрушении официального советского языкового канона. Делается вывод о том, что сатирические приемы были направлены на разрушение внешней формы языковой формулы, в то время как приемы иронического подрывали семантическую неделимость языкового канона изнутри: десакрализация «метатекста» открыла возможности его деидеологизации. Однако основные идеологемы и мифы оказались устойчивыми к разрушению, поскольку имели характер не внешнего языкового маркера, а были встроены в языковое сознание советского человека. Смоделированное прецедентными текстами пространство – Советский Союз – и идеологически обобщенное мировоззрение «советских людей» в литературе «оттепели» все еще не подвергались сомнению.

Ключевые слова: литература «оттепели», языковой канон, политический метатекст, советская идентичность.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022 г.

* Татьяна Вячеславовна Савина, кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, e-mail: tsavina2005@mail.ru
Tatiana Vyacheslavovna Savina, Candidate of Philology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, e-mail: tsavina2005@mail.ru

Речевая культура носителей языка традиционно крайне восприимчива к идеологии¹. В России первой трети XX в. русский язык почти непрерывно подвергался изменениям, вызванным Первой мировой войной и революцией. В советский период характер реакции русского языка на внешние факторы изменился: отвечая на новые цели, изменения отличались высокой динамикой и глобальными масштабами, что резко усилило инструментальную функцию языка, превратив его в один из основных каналов трансляции советской идеологии.

Первые попытки описать и оценить речевой ответ населения на вторжение идеологии были сделаны сразу после революции, хотя в целом лингвисты оставались на позиции наблюдателей, только синхронно фиксируя изменения в языке. Представители Женевской лингвистической школы, имевшей социологическую направленность, С.О. Карцевский, Р.О. Якобсон и В.Б. Шкловский, а также А.М. Селищев, А.Г. Горнфельд, Г.О. Винокур, Я. Шафир, А. Мазон, наблюдая за синхронными изменениями в русском языке, в 1920-е гг. предприняли попытку систематизировать свои наблюдения в ряде очерков². Кроме того, в 1924 г. вышел номер журнала «ЛЕФ», практически целиком посвященный анализу языка В.И. Ленина, что, однако, оказалось едва ли не единственной попыткой синхронного лингвистического анализа речевой практики политического лидера³.

В 1930–1950-е гг. процесс научной рефлексии над наблюдаемыми в русском языке изменениями был в России фактически заморожен вторжением государства в науку о языке и в частности внедрением «нового учения о языке» и его классовой сущности Н. Марра. Среди западных интеллектуалов о последствиях вторжения идеологии в язык одним из первых написал Дж. Оруэлл в эссе «Политика и английский язык» (1948), проиллюстрировав на примере вымышленного «новояза» в романе «1984» (1949), как с помощью языка можно исключить возможность оппозиционного образа мышления. Вопросу изменения языковых привычек в обществе под давлением идеологии посвящено исследование немецкого филолога В. Клемперера (1947). Эти первые подходы были существенно развиты в 1960–1980-е гг. зарубежными политологами, социологами и социальными философами, а также исследователями – эмигрантами из России и СССР. Изучение взаимодействия языка и политики разрабатывали в рамках междисциплинарных комплексных обществоведческих советологических исследований А. Безансон, М. Раш, Х. Лассвелл, А. Каплан, А. Вежбицка, а также писатели-эмигранты М. Геллер, Т. Венцлова, В. Заславский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко⁴. О связи между обществоведческим направлением в исследовании трансформации русского языка под давлением идеологии и собственно лингвистики свидетельствует появление лингвистической советологии, в рамках которой советологи уделяли внимание языку публичных выступлений советской политической элиты⁵.

В изучении феномена русского языка советского типа российские исследователи отстали от зарубежных коллег на несколько десятилетий. Первые исследования на эту тему стали появляться только в конце 1990-х гг., фокусируясь на изучении триады «власть – язык – общество» с точки зрения номинативно-коммуникативной функции языка. Е. Добренко, И. Сандомирская, М. Вайскопф и др., анализируя прагматический аспект создания прецедентных текстов, их трансляцию и функционирование в обществе, исследовали «лингвистический поворот по-советски», а именно детерминированность коммуникативной

¹ Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексику русского языка советского периода // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 21–28.

² См., например: Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин, 1923; Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М., 1928.

³ Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.

⁴ См., например: Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее. London, 1984; Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

⁵ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 22–34.

функции языка политическими задачами власти⁶. Имеется ряд исследований, посвященных анализу трансформации концептов научного языка гуманитарных наук, например советской историографии и советского литературоведения⁷, а также отдельно взятых идеологом и символов советской пропаганды, таких как «Родина», «враг», «партия», «пролетариат»⁸. О междисциплинарном характере изучения феномена советского языка также свидетельствует «лингвистический поворот» в исторической науке, когда историки заинтересовались языковыми аспектами коммуникации власти и общества, тем, что американский исследователь С. Коткин назвал умением «говорить по-большевистски»⁹.

Резкий всплеск интереса к проблеме с точки зрения лингвистики, а не обществоведения, произошел в начале 1990-х гг., когда появились специальные исследования лингвистов, направленные на изучение механизмов, действовавших внутри системы языка, в основном на лексико-семантическом уровне: создание метафор, метонимий, лексикографическая кодификация идеологием, освоение заимствованной политической лексики, возникновение неологизмов¹⁰. Появился ряд исследований, посвященных «лагерной литературе» как отражению языкового сознания жертв политической системы. Немногочисленные исследования посвящены анализу «языкового сопротивления» позднесоветского периода – противостояние официозному «советскому стилю» языка в языковых практиках диссидентов. Особняком стоит исследование А.В. Юрчака, в том числе рассматривающее формализацию русского языка в позднюю советскую эпоху как одну из основных предпосылок краха «советского проекта»¹¹.

Анализ историографии свидетельствует, что основные усилия исследователей концентрируются на изучении языковых процессов «сталинского» периода (примерно 1930–1940-е гг.). При достаточном количестве публикаций, посвященных 1920–1930-м гг., практически вне рамок исследований лингвистов остается как хрущевский, так и брежневский период в истории СССР. Это, в свою очередь, приводит к тому, что предмет исследования становится равен объекту: русский язык советского периода изучается отдельно от естественных языковых процессов, характерных для эволюции любого языка как внутри, так и вне рамок идеологического давления.

Кроме того, в качестве основного источника информации об изменениях в языке исследователи предпочитают использовать политический прецедентный текст: тексты газеты «Правда», программные партийные документы, речи политических лидеров. В результате исследователи, по сути, оказываются внутри метатекста, с помощью которого осуществлялась индоктринация населения, в то время как речевой ответ рядового гражданина – носителя языка оставался вне рамок анализа. Тем не менее «лингвистический поворот» в исторической науке, связанный с интересом к советской повседневности, а также открытие архивов снабдили лингвистов огромным количеством синхронных эгодокументов («письма во власть», донесения, отчеты, ходатайства, рапорты), дающих материал для лингвистического анализа языковых изменений в сознании рядового гражданина. Дистанция между языком политических текстов, направленных сверху, и языком населения в качестве реакции снизу позволяет проследить механизм освоения населением умения «говорить по-большевистски».

⁶ Добренко Е. Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power // *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*. London; New York, 2014. P. 19–39; Сандомирская И. Язык-Сталин: «Марксизм и вопросы языкознания» как лингвистический поворот во вселенной СССР // *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia*. Bergen, 2006. P. 263–291.

⁷ См., например: Павловец М. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2016. № 2. С. 73–92.

⁸ См., например: Разинкина Н.С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 344. С. 26–29; Савина Т.В. «Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов // *Россия XXI век*. 2017. № 6. С. 104–117.

⁹ Коткин С. «Говорить по-большевистски». Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.

¹⁰ См., например: Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995.

¹¹ Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

Именно в этом зазоре между двумя процессами – активным со стороны власти и реактивным со стороны населения – оказалась советская литература, которая стала как инструментом трансляции в общество концепции «нового человека», так и способом фиксации ответной реакции снизу, в первую очередь изменений в языковом сознании носителя русского языка. Литературоцентричность советского общества была настолько высокой, что художественная литература действительно стала «зеркалом», и не только «русской революции», а всего процесса создания «нового человека». В этом смысле литература, по выражению П. Серио, далеко обгоняла лингвистику¹², что неудивительно, поскольку писатели имели возможность «на слух», синхронно, фиксировать проникновение в повседневный язык советских политических штампов.

Специфический характер литературы «оттепели» был обусловлен, по мнению А. Юрчака, сменой «внешнего редактора» советского идеологического пространства. У писателей появилась относительная свобода отхода от языкового канона сталинской эпохи¹³. В результате язык литературы «оттепели» получает новое качество: с одной стороны, налицо намеренное злоупотребление советскими штампами для достижения комического, сатирического или иронического эффекта. С другой стороны, авторы стремились через речь зафиксировать возможные изменения в языковой картине мира героя и, более того, в его мировоззрении. Возникает вопрос, в какой степени «советские» элементы в речи литературных героев отражали изменения в сознании говорящего, как трансформировалось его умение «говорить по-большевистски». Чтобы дать ответ на этот вопрос, в статье анализируются знаковые для периода «оттепели» литературные произведения И.Г. Эренбурга, Э.Г. Казакевича, П.Ф. Нилина, Г.Е. Николаевой, Б.И. Балтера, В.Д. Дудинцева, И.Ю. Зверева, Б.Н. Полевого и братьев Стругацких.

«Шершавым языком плаката». Даже не обращаясь к сюжету произведения, по речевым характеристикам героев можно достаточно легко определить, к какому периоду советской истории относится то или иное литературное произведение. В романтические ранние 1920-е гг. носители языка, особенно политизированная молодежь, с восторгом приняли новые слова в свой лексикон. Литература начала 1920-х гг. изобилует героями – восторженными романтиками, *пламенными революционерами*, толкующими о *мировой революции и контрреволюции, классовой борьбе, буржуах и пролетариях, комсомолки и пионерии* и т.д. Приняв новый лексикон, они изменились сами, став *борцами за революцию*. При этом уже в 1920-е гг. были сформулированы первые выводы о зарождении внутри русского языка новой системы значений, подчинившейся двум требованиям – обязательности к использованию и массовому характеру распространения¹⁴, что, в свою очередь, определило два направления, по которым шло освоение новой лексики населением: языковая мимикрия в виде механического воспроизводства штампов прецедентных текстов или изменение всего мировоззрения носителя языка, что выражается не только через усвоение новой терминологии, но и встраивание ее понятий в собственную картину мира.

Герой литературы конца 1920 – начала 1940-х гг. оказался «подчинен требованиям системы, <...> стал фигурой, лишенной собственного мнения и инициативы, руководимый властью, полностью идеологизированной»¹⁵. Следует заметить, что речь идет не столько о текстах литературы «соцреализма», по сути бывшими составной частью «метатекста», направленного сверху авторитетным заказчиком, сколько об объективных попытках зафиксировать изменения внутри русского языка в речевых практиках населения. Герой – *строитель коммунизма, стахановец*, выполняет план *пяtilетки*, *борется с кулаком за коллективизацию*. *«Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою*

¹² Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160–167.

¹³ Rogers Th.F. Trends in Soviet Prose of the 'Thaw' Period // The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association. 1968. Vol. 22, No. 4. P. 198–207.

¹⁴ Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. Петроград, 1922.

¹⁵ Хомяков В.И. Культура и власть (Концепция сотворения мира в русской литературе советского периода 1920–1930-х годов) // Омский научный вестник. 2006. № 1 (34). С. 200–204.

вложил...» – девиз героя 1930-х гг. Герой – в первую очередь *партиец*, только потом – работник, семьянин и пр. Именно в этот период возникают понятия *попутчики*, *примазавшиеся*, *перерожденцы*, *двурушники*, что свидетельствует о том, что язык начал утрачивать доверие своего носителя, который мог использовать политические штампы для своеобразной мимикрии. При этом ряд понятий, таких как, например, *оппортунисты* и *оппозиционеры*, расширил свое семантическое поле далеко за рамки первоначального значения, что дало, соответственно, самые широкие возможности прагматике слова.

Военный период вернул в активное использование целый ряд таких понятий, как *священный*, *мужество*, *отчизна*, *Родина-мать*. Обращение к образу *защитника Родины* вывело на первый план *павшего смертью храбрых героя* и *труженика тыла*, оставив на время в тени *политрука*, точно так же как *русский* на время заслонил *советского*. Интересно, что возврат в язык советского человека имен и образов из *российского*, не *советского* прошлого, таких как *воин*, *сражающийся с ордой*, *русские богатыри*, т.е. *защитников земли русской*, парадоксальным образом ослабило идеологическое давление на язык.

Начиная с середины 1950-х гг. и вплоть до распада Советского Союза усиление процесса формализации политического языка расширило языковое сопротивление, сопровождаемое деидеологизацией и десакрализацией прецедентного метатекста. Литература времен «оттепели» велела своему герою быть *искренним*. Программная статья В. Померанцева потребовала от героя литературы перестать *подбирать чужие слова*¹⁶ – советский человек в литературе должен был артикулироваться иначе.

Герои литературы уже не были революционными романтиками 1920-х гг. и поэтому языковыми экстремистами – они родились и были воспитаны в советскую эпоху и находились внутри системы «советских смыслов», которые не воспринимались ими как нечто новое, революционное. Это уже не были и герои литературы сталинских времен – фанатики идеи со встроенными в языковое сознание коммунистическими идеологемами. Они не были и диссидентствующими маргиналами 1970–1980-х гг., с восторгом разрушавшими советский языковой канон, а заодно и нормативный русский язык. Напротив, разрушение языкового канона как части языковой картины мира советского человека означало подвижки к изменению советской идентичности – в своем сознании большинство все еще оставались «коммунарами» и не отказывались от идей социализма, но стремились к тому, что к концу 1960-х гг. получит название «социализм с человеческим лицом» – умеренной демократизации и либерализации. Массовое использование идеологических штампов перестало быть обязательным, началось размывание официальной формулы, что свидетельствовало о том, что русский язык постепенно освобождался от идеологического давления.

«Плохой хороший человек». Первой попыткой затронуть тему языковых штампов в речи героев постсталинской литературы стала статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованная в «Новом мире» в 1953 г. Хотя основным посылом этой статьи-эссе была критика сюжетного канона, царствовавшего в то время в советской литературе, Померанцев тем не менее касался и вопросов языка литературных героев: «И как они между собой разговаривают! Тирадами, взятыми с радиопленки! <...> Помните, как ваш герой дарит дочери часики, потому что поднялся его *жизненный уровень* (выделено автором. – Т. С.)? Он – вытяжка из газетных столбцов – позабыл, что в семье никогда не поднимается *жизненный уровень*, а улучшается *жизнь*»¹⁷.

Художественная литература «оттепели» положила начало процессу разрушения политического языкового канона¹⁸. Для современного читателя это довольно скучное чтение, поскольку язык героев все еще инструментален – они по-прежнему были «рупорами» идей. Учитывая то, что освобождение от сюжетного канона социалистического реализма не могло идти быстро, большинство конфликтов строилось по привычной схеме: герои непрестанно

¹⁶ Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 218–245.

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ Lygo E. The Thaw Generation Poets in the Post-Soviet Period в Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Cambridge, 2017. P. 329–354.

боролись, с той только поправкой, что ареной борьбы теперь стала общественная и творческая жизнь в попытках разделить партийное и личное. Условные «архаисты» и «новаторы» достаточно прямолинейно маркируются языком: «архаисты» изъясняются идеологическими штампами, в то время как язык «новаторов» стремится к естественности, хотя все еще не лишен ходульных выражений. Как точно резюмировал Илья Зверев устами героя своего рассказа о начинающем журналисте: «Я был <...> носитель новых веяний, свежих мыслей (которые, впрочем, сводились к тому, чтобы не писать больше “встав на предмайскую трудовую вахту” и “с небывалым трудовым подъемом”, а писать **это** (выделено мной. – Т. С.) как-нибудь иначе»¹⁹.

Крайняя формализация языкового канона и его бесконечное тиражирование привели к тому, что идеологические клише превратились в семантически неделимые словосочетания. Главное слово стало номинативно ослабленным, т.е. в пределах словосочетания перестало быть самостоятельным названием предметов или явлений, а полнотой номинации обладало только все словосочетание целиком, связывая все элементы друг с другом и заражая «советскими смыслами». Неделимое словосочетание по своей природе не способно к изменению семантики, которая актуализируется в рамках определенного контекста и требует воспроизводства всей формулы целиком. В литературе «оттепели» политические клише в речи героев впервые получили инструментальную функцию построения образа отрицательного персонажа – бюрократа от партии.

В этом смысле крайне интересно проследить динамику превращения в неделимое словосочетание комбинации слова *товарищ* с фамилией. Массовость использования слова *товарищ* после революции привела к тому, что это слово стало относиться не только к товарищам по партии, а ко всем советским людям²⁰, а также к членам коммунистических партий других стран. Отсутствие элемента *товарищ* перед фамилией всегда было тревожным признаком – в годы репрессий арестованный быстро превращался из *товарища* в *гражданина*, а то и вовсе назывался одной фамилией.

В романе И. Эренбурга «Оттепель» слово *товарищ* стабильно употребляется в трех значениях: как стандартное обращение к аудитории, как номинация друга или соратника и как своеобразная приставка к имени. Приобретение этим словом специфических советских значений стало причиной того, что к 1950-м гг. оно утратило свою исторически сложившуюся полисемию и в сочетании с фамилией стало сигналом не столько принадлежности к партии, сколько принадлежности к руководящему слою партийных работников. В повести И. Зверева «Она и он» (1963) описывается конфликт секретаря райкома товарища Емченко и директора виноградарского совхоза товарища Никифорова: «– Хитришь перед партией, Никифоров! – вдруг осерчал товарищ Емченко. <...> Не советую, Никифоров. И, услышав свою внезапно раздетую фамилию – без “товарищ”, без имени-отчества, – директор вдруг испугался. Не умом испугался, а, как говорится, поротой задницей (видно, уже случалось ему в жизни называться просто Никифоровым)»²¹. Руководящие работники договорились, и Зверев заканчивает эпизод фразой: «Он же совсем не злой человек, *товарищ Емченко*». На протяжении всего повествования автор ни разу не назвал персонажа просто по фамилии, *товарищ* и фамилия Емченко слитно обозначали партийного функционера.

В романе П. Нилина «Жестокость» (1956) начальник угрозыска информирует слишком строптивого главного героя Веньку Малышева о переводе в другое место: «Это надо понимать, как *выдвижение молодых кадров на руководящую работу* в губернский центр... – А я при чем? – опять спросил Венька. – Если уж выдвигать, так не меня, а Соловьева Колю. Ведь Клочкова же он убил... – Ничего не знаю, ничего не знаю! – засмеялся начальник. – *Руководящим товарищам виднее, кто кого убил*»²². Несостоятельные, с точки зрения Малышева, причины его перевода, выраженные начальником языком партийных установок,

¹⁹ Зверев И.Ю. Рассказ бывшего щенка // Защитник Седов. М., 1999. С. 285.

²⁰ Выходцева И.С. Функционирование слова «товарищ» в советской словесной культуре // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. № 13. С. 30–38.

²¹ Зверев И.Ю. Она и он // Защитник Седов. М., 1999. С. 63.

²² Нилин П.Ф. Жестокость // Испытательный срок. М., 1987. С. 125.

приобретают весомость бесспорного аргумента. В рамках короткой цитаты отрицательный персонаж налицо: начальник угрозыска – партийный бюрократ и карьерист.

«Наши новые машины – плод коллективной мысли», говорит «архаист» Дроздов в романе Дудинцева «Не хлебом единым» (1956). Интересно, что автор не дает прямую речь Дроздова, а только пересказывает: «И он сказал в меру длинную речь, умеренно похвалил машину, отметил несколько ее конструктивных недостатков, сказал, что *поддержка перодовой технической мысли является первой обязанностью...* и так далее». Собственно, это *и так далее* красноречиво свидетельствует о появившейся необязательности воспроизводить языковые клише, однако при этом их идеологическая сила аргумента сохранялась: «Когда он говорил все это, Авдиев перестал курить и странно светлыми глазами смотрел на него, словно вдруг увидел гения»²³.

Главный антагонист в романе Г. Николаевой «Битва в пути» (1957) – директор завода Семен Вальган, «красный директор сталинской закалки». Он – хороший оратор, его речь достаточно естественная, однако своей риторикой, своей преувеличенной экспрессивностью обращена к предыдущей, сталинской эпохе. «О производстве печных вьюшек говорит, как о *штурме осажденного Сталинграда!* Мастак!²⁴ – подумал Бахирев». Вальган злоупотребляет «громкими словами», которые в целом начинают терять свою функцию призыва и превращаются в знак формализации языкового канона. В финальной главе, которая носит красноречивое название «Старый и новый», протагонист задает вопрос: «А я на днях перечитывал твои же приказы и обращения “*Во имя великой родины...*”, “*Клянемся бессмертными могилами...*”, “*Наш доблестный коллектив...*” К кому обращал ты высокие слова приказов?»²⁵

Самое интересное, что «новаторам» в их борьбе с «архаистами» всегда на помощь приходит... партия. Конфликт в «Битве в пути» разрешается вмешательством на уровне обкома: «Для Бахирева обком был уже не источником *выговоров, грозных решений*, а очагом непрерывного притяжения. Его то и дело одолевало желание звонить Гринину, говорить с Грининым, советоваться с Грининым. Бахирева притягивали в Гринине те качества, которых не хватало ему самому, – *партийная закалка* и то соединение *остроты зрения* с твердостью уравновешенных суждений, которое приходит со зрелостью ума». Героя «Оттепели» приводит в чувство простой рабочий, героя романа «Не хлебом единым» спасает смена руководства. Образ мудрого парторга завода, или умного энергичного секретаря комитета партии, или просто старого партийца-рабочего – ключевой в конфликте двух сил. Языковая риторика этих героев не выражена ярко, поскольку они апеллируют не к формулам, а к заключенным в них идеям. В итоге конфликт разрешается в пользу мятежного «новатора» на самом высоком уровне – министерства или даже правительства.

Избыточная экспрессивность языковой формулы, используемой слишком часто в незначимых ситуациях, применение языковых идеологических клише в качестве аргументов в споре, насыщенность речи языковыми штампами, но при этом определенная небрежность в воспроизводстве языковой формулы целиком стали языковыми элементами конструирования отрицательных или, что точнее, спорных персонажей первых литературных произведений времен «оттепели». Достаточно отчетливо можно наблюдать две тенденции. Во-первых, повышенный объем языковых идеологических штампов в речи персонажа позволил в 1960-е гг. и особенно в начале 1970-х гг. создать целую галерею сатирических образов советских бюрократов. Во-вторых, усечение идеологической формулы и разрушение ее неделимой природы открыли широкие возможности для языковой игры. В своей совокупности эти первые шаги к деидеологизации и десакрализации прецедентного метатекста свидетельствовали об определенных подвижках в языковом сознании носителя языка: он перестал быть «верным сталинцем», но при этом все еще оставался «советским человеком» и коммунистом.

²³ Дудинцев В.Д. Не хлебом единым. М., 1968. С. 46.

²⁴ Николаева Г.Е. Битва в пути. М., 1980. С. 301.

²⁵ Там же. С. 563.

Товарищ Фарфуркис и другие. Литература середины 1950-х гг., реагируя на общественные изменения, дала начало разрушению официального языкового канона посредством двух генеральных приемов: сатиры и иронии. Одним из примеров, иллюстрирующим эту тенденцию, может служить раннее творчество братьев Стругацких. Повесть «Страна багровых туч», написанная в 1952–1957 гг., заметно отличалась языком повествования. Как, например, отмечал Г. Горин в своей рецензии: «Их тема – люди в космосе, *обыкновенные советские люди* <...> Когда идешь по проторенной дорожке, самая большая опасность – шаблон»²⁶. Хотя герои повести все еще остаются коммунистами («*коммунарками*», как предпочитают называть их авторы), их язык практически лишен идеологических шаблонов и стремится к естественности. Поразительно, но Стругацким действительно удалось обойтись без лозунгов, несмотря на то, что главный герой целого ряда произведений – человек коммунистического «Полдня, XXI века». Даже в одной из редких в этой повести отсылок к марксистско-ленинской идеологии авторы достаточно сдержанны: «...Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они *коммунисты, люди чести и дела*»²⁷, т.е., как верно подметил Г. Горин, авторы обошлись без *митингов*.

Спустя несколько лет Стругацкие ввели в литературу сатирический образ партийного бюрократа с помощью намеренного и гипертрофированного увеличения объема идеологических штампов в речи персонажа в незначимом контексте. Товарищ Камноедов и товарищ завкадрами Демин из повести «Понедельник начинается в субботу» (1965), по сути, не являются образами, поскольку отсутствует динамика развития героя. Они – символы. Каменные реплики Камноедова, как и утрированная речь товарища Фарфуркиса и членов административного триумvirата из «Сказки о Тройке» (1968), однозначно апеллируют к такому же условному персонажу Ильфа и Петрова – товарищу Польшаеву с его набором резиновых печатей – «резиновых» языковых штампов, которые, по сути, физически олицетворяли их неделимость. Однако, при всей своей яркости, товарищ Польшаев – персонаж довольно безобидный, поскольку он никак не угрожал идеологическим ориентирам эпохи.

Интересно то, что Стругацкие ни разу на протяжении всей повести не говорят о том, что и товарищ Камноедов, и товарищ завкадрами Демин – члены партии, хотя при сложившейся иерархии руководители такого административного уровня не могли ими не быть, как и товарищ Фарфуркис. В целом это сатира, но не столько на партийного, сколько на административного бюрократа. Это, собственно, была борьба с «канцеляритом» – языковой «лебедой и мякиной», по выражению Норы Галь. Сатирические образы достаточно прямолинейны, и языковая характеристика здесь явление скорее количественное, чем качественное: критика направлена на форму, но не на идею. «Бюрократия была и основой режима, и живым напоминанием о крушении революционных идеалов, поэтому ее образ должен был быть одновременно привлекательным (в парторгах и командах производства) и в некотором роде отталкивающим, поскольку именно на ней удобно было фиксировать проявления массового недовольства»²⁸. Федор Симеонович и Христоваль Хозевич, действуя парой, вполне подходят на роль, скажем, «командира производства» и «парторга», которые и побеждают в итоге бюрократию, появляясь как «*deus ex machina*». Сатира времен «оттепели» весь огонь направила на критику тиражирования идеологической формулы, но не на ее содержание.

Лингвистически образ профессора Выбегалло сложнее. Усиление сатирических элементов в языковой характеристике персонажа скрывало осторожную критику идеологических концептов и было построено на антифразисе – несоответствии значения словосочетания его контекстуальному употреблению. Выкрик Выбегалло «*Отгораживаете нашу науку от народа*»²⁹ является антифразисом тоста Сталина на приеме работников высшей школы

²⁶ Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание – сила. 1959. № 12. С. 50.

²⁷ Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч // Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью. М., 1993. С. 99.

²⁸ Добренко Е. Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 171.

²⁹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. М., 1990. С. 121.

17 мая 1938 г.: «За процветание науки – той науки, которая не отгораживается от народа...»³⁰. «Внеклассовый огнедышащий дракон»³¹ явно появился из работы Ленина «Что делать»: «...в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии»³². Тирада Выбегалло «Мы, конечно, стираем противоречия... между умственным и физическим... между городом и деревней...» – намек на идею «агрогородов» Н.С. Хрущева – заканчивается доведением языковой формулы до абсурда: «...между мужчиной и женщиной, наконец»³³. Неудивительно, что «Сказка о Тройке» была объявлена «идейно несостоятельной» – такое не прощали. Открытая критика идеологических концептов все еще была неприемлемой, и чтобы разрушить языковой канон изнутри, было необходимо обратиться к более тонкому инструменту – иронии.

Парадоксальным образом именно Салтыков-Щедрин, открывший возможности языковой игры с официальной языковой формулой, прошел идеологический отбор и остался в советском культурном пространстве – обличение Щедриным косности дореволюционного российского общества вполне соответствовало рамкам идеологического заказа. Поэтому советский читатель, как и советское литературоведение, прошел мимо открытой Щедриным возможности играть с официальной формулой на уровне языка, порождая новые смыслы³⁴. Иначе, например, Сталин не требовал бы «Гоголей и Щедриных», чтобы «лечить недостатки»³⁵.

Как вид тропа, ирония оперирует словами и выражениями, и в этом смысле неделимые словосочетания советского языкового канона оказались наиболее уязвимы в силу искусственной природы своей неделимости. В целом приемы иронического смыслопорождения, использованные Щедриным, были широко освоены в жанре советского анекдота, но в литературном пространстве 1950–1960-х гг. использовались с осторожностью. Имплицированный характер иронической оценки автора в целом был направлен на снижение героического пафоса предыдущей, сталинской эпохи, и при этом ироническое стало оборотной стороной героического.

В короткой зарисовке «Рассказ бывшего щенка» (1962) Илья Зверев описывает производственную ситуацию: «Я приехал в Пантелеевку на пуск котла, а там случилась авария: во время опробования лопнула какая-то трубка, и два монтажника буквально при мне *пошли на подвиг*. <...> И с риском для жизни устранили аварию, не задержали *торжественный и великий* момент пуска»³⁶. Собственно, конфликт в рассказе Зверева строится на том, что ради красивой сводки – не запустить, а только сдать комиссии агрегат досрочно – людей послали в горячий котел. Построенное на антифразисе описание вполне рабочего момента запуска агрегата как *великое* событие апеллирует к постоянному элементу языкового канона: от Великой Октябрьской революции до *великой* русской литературы, не забывая о *великих* основоположниках.

«Один день Ивана Денисовича» (1962) А. Солженицына на начальном этапе «всеобщего одобрения» вызвал множество споров не только новой темой – репрессии и лагеря, но и своеобразным стилистическим и языковым мастерством. Однако во время «сурового осуждения» во второй половине 1960-х гг. язык повествования стал одной из мишеней критиков. По свидетельству Т.Г. Винокур, в то время сотрудницы Института русского языка АН СССР, «пошли письма читателей, полные святого негодования: такой-рассякой, грубый, вульгарный, употребляет оскорбляющие их слух слова, запретные выражения, портит наш *великий и могучий*... кто позволил... и пр. и пр.»³⁷. Кстати, здесь и Винокур иронизирует над

³⁰ Сталин И.В. Речь на приеме работников высшей школы 17 мая 1938 года // Правда. 19 мая 1938 г. С. 1.

³¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается... С. 120.

³² Ленин В.И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. Т. 6. С. 39–40.

³³ Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается... С. 120.

³⁴ Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенность иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. С. 123–136.

³⁵ Добренко Е. Гоголи и Щедрины... С. 163–191.

³⁶ Зверев И.Ю. Рассказ бывшего щенка // Защитник Седов. М., 1990. С. 288.

³⁷ Винокур Т.Г. С Новым годом, шестьдесят вторым... // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 48–69.

растиражированной цитатой из стихотворения в прозе И.С. Тургенева о «великом и могучем» русском языке, соединяя ее антитезой с просторечным «такой-рассякой».

Естественно, что сюжет и место действия позволили автору избежать употребления языковых идеологических формул в их прямом значении, но оставили место для иронии.

«– Не иначе как двенадцать, – объявил и Шухов. – Солнышко на перевале уже.

– Если на перевале, – отозвался кавторанг, – так значит не двенадцать, а час.

– Это почему ж? – поразился Шухов. – Всем дедам известно: всего выше солнце в обед стоит.

– То – дедам! – отрубил кавторанг. – А с тех пор *декрет был*, и солнце выше всего в час стоит.

– Чей же это декрет?

– *Советской власти!*»³⁸.

Декрет Советской власти – вполне конвенциональное для того времени использование языкового канона в качестве последнего аргумента в споре, ставящего точку. Если считать, что это не кавторанг так опасно шутит, а имплицитная ироническая оценка самого автора, то определение места солнца в зените декретом Советской власти – полностью щедринский прием создания абсурдной ситуации.

Бригадир Тюрин, рассказывая свою историю, говорит, что тех командиров, которые его из армии выгнали, он встретил потом в лагере: «Там уж были они *пролетарии* или *кулаки*. *Имели совесть или не имели...* Перекрестился я и говорю: “Все ж ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь да больно бьешь”»³⁹. Прием двойной антитезы значительно снижает классовый характер противопоставления *пролетариата* и *кулака*, как и снижает дежурный этический посыл о *революционной совести* и завершает всю конструкцию выводом: все люди, все под Богом ходим.

Такой же прием иронического смыслопорождения Щедрина в доведении ситуации до абсурда присутствует в рассказе о том, как и за что, собственно, Иван Денисович Шухов оказался в лагере: «Считается по делу, что Шухов *за измену родине* сел. И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, *желая изменить родине*, а вернулся из плена потому, что *выполнял задание немецкой разведки*. Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто – задание»⁴⁰.

В литературе «оттепели» отчетливо звучит вполне щедринский прием употребления неподходящих к контексту терминов (как, пример, *конституционные замашки*, не собственные госпоже Головлевой). Дополнительное искажение внешней формы неделимого словосочетания усиливало ироническую оценку: «Эй, *стакановец!*», «выросла *кадра*», «кто прав, кто виноват» и «где навредил *культ личности*, а где какая-нибудь *личность без культа*»⁴¹.

Тем не менее антифразис, антитеза и абсурд как приемы иронии в разрушении идеологического языкового канона расцвели пышным цветом гораздо позже – в неформальной диссидентской литературе в эпоху «завинчивания гаек». В литературе «оттепели» вызовы семантической целостности неделимых идеологических словосочетаний были в общем-то редки – градус «оттепели» был еще недостаточно высок.

«Мы – советские люди». При всей смелости первых произведений времен «оттепели» герой новой литературы все еще мыслил себя частью советского общества, не отказываясь от его ценностей. В романе И. Эренбурга «Оттепель» в творческий конфликт двух художников оказался вовлечен простой рабочий – мастер Андреев. Андреев, безусловно, герой положительный, поскольку представляет собой идеальный образ рабочего: «до всего хочет сам дойти, талантливейший человек, именно такие блоху подковали...». Андреев увидел картину: пейзаж с розовым домиком на берегу моря. Лучшее, как считал художник Сабуров,

³⁸ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Рассказы. СПб., 2006. С. 44.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Там же. С. 45.

⁴¹ Там же. С. 71; Зверев И.Ю. Она и он... С. 47, 51.

что было им написано. Андреев попытался выразить то чувство очарования и умиротворения, даже гармонии, которое возникло у него при созерцании этой картины, следующим образом: «Когда я увидел картины Сабурова, мне захотелось *жить, трудиться, бороться*». Это не ирония автора: не умея самостоятельно формулировать свои мысли, Андреев прибегнул к самому сильному и надежному средству, которое было ему доступно – политическому клише.

«Человек вы смелый, и подход у вас наш, советский – *хотите работать для народа*», – говорит Андреев художнику Сабурову в качестве самой высокой похвалы⁴². Влюбленный парторг обнимает девушку и говорит: «Не бойся, Рая, я *член партии*, я не допущу с тобой ничего такого... *Аморального...*»⁴³. Директор завода Дроздов объясняется в любви будущей жене: «Я принадлежу к числу *производителей материальных ценностей*. Главная духовная ценность в наше время – умение хорошо работать, создавать как можно больше нужных вещей. *Мы работаем на базис*»⁴⁴. Без всякого иронического подтекста писатели фиксировали на слух проникновение в речевые практики носителей языка официальной формулы, имевшей только положительные коннотации, но при этом языковой канон претерпевал некоторые изменения, основным из которых было усечение полной формы неделимого словосочетания.

В повести «Она и он» И. Зверев описывает прием главной героини в партию: «Рая очень волновалась, что вот такая ей оказана честь. Она сказала, как в брошюре, по которой готовилась: “Я буду нести высоко и хранить в чистоте”»⁴⁵. Отсутствие прямого дополнения у глаголов – нести *знамя коммунистического труда* и хранить в чистоте *честь* – не мешают пониманию того, что именно обещает сделать героиня. Неделимость элементов в идеологической формуле в определенном контексте создает ассоциативные пары, когда при утрате одного элемента оставшийся принимает на себя всю семантическую нагрузку. Такая усеченная формула понятна всем и не требует расширения, поскольку актуализируется только в узких рамках контекста – герой вступает в контакт с партийным и административным пространством.

Тем не менее усечение в разговорной практике официальной формулы не было свидетельством ее внутреннего разрушения, поскольку она представляла собой интертекстуальное включение в речь цитаты из «метатекста» и ее освоение в сокращенном виде. Как правило, довольно легко можно определить источник: брошюра, по которой готовилась Рая, «Краткий курс истории партии», который читал Дроздов, или «Моральный кодекс строителя коммунизма», о котором вспоминает парторг Петр. В целом явление далеко не новое, но интертекстуальность цитаты в литературе «оттепели» приобрела дополнительные оттенки.

В силу того, что для литературы «оттепели» было характерно обращение к только что пережитому опыту Второй мировой войны, присутствие языкового канона в речи персонажей имеет двойственный характер: языковые идеологические формулы оценивались с позиции критики предыдущего, сталинского периода истории, но вместе с тем прослеживается и настойчивый рефрен, свойственный литературе 1950–1960-х: «мы – советские люди».

В повести Б. Балтера «До свидания, мальчики» (1961) главный герой описывает друга предвоенной юности: «Алеша Переверзев был секретарем городского комитета комсомола. <...> Например, я отлично помнил его речь о вреде сусликов. Он произнес ее в девятом классе, когда вся школа готовилась выступить против них в поход. Он открыл нам глаза на *паразитическую жизнь сусликов – этих коварных врагов молодых колхозов и советской власти*». Однако когда речь зашла о призыве в армию, комсомольский лидер стал серьезен: «Речь идет о большой чести, – сказал Алеша, – о *великом доверии*, которые *партия и комсомол* готовы оказать вам, мальчишкам...»⁴⁶. Собственно, хронологический маркер *молодой*

⁴² Эренбург И.Г. Оттепель. М., 1954. С. 46.

⁴³ Зверев И.Ю. Она и она... С. 12.

⁴⁴ Дудинцев В.Д. Не хлебом единым. М., 1968. С. 27.

⁴⁵ Зверев И.Ю. Она и он... С. 19.

⁴⁶ Балтер Б.И. До свидания, мальчики. М., 1965. С. 10.

при слове *колхоз* помещает языковой шаблон в период «культы личности», а антитеза *сусликов*, угрожающих *колхозам*, иронически окрашена. Тем не менее пара *партия* и *комсомол* остаются неделимыми при сохранении положительной коннотации.

Повесть Э. Казакевича «Двое в степи» была разгромлена критикой в 1948 г., но экранирована в 1961 г. Отданный под трибунал за трусость лейтенант связи Огарков встречается в камере с другим арестантом: «– Не хочу воевать, – ответил приговоренный. – Я баптист, понимаешь? – И добавил: – Пусть немец приходит. Все одно. – Как же так “все одно”? – ужаснулся Огарков. – Что вы говорите? Ведь они фашисты! Просто странно, что вы это говорите! Еще русский человек... <...> – А ты-то, *советской*, за что сюда попал?»⁴⁷. Здесь очень интересно существование в одном идеологическом пространстве двух слов – *русский* и *советский*, что, как уже отмечалось, было свойственно «военной» литературе.

Лейтенанта Огаркова приговорили к расстрелу – он мучительно пытается объяснить, что он готов на все, чтобы искупить свою вину: «Они не имеют права не выполнить его требование. Здесь *Советский Союз*, где каждый человек имеет право быть *выслушанным*». Идеологизированный пространственный объект – *Советский Союз* – получает типологическое добавление в виде пересказанной статьи Конституции.

«Повесть о настоящем человеке» (1947), пик популярности которой пришелся на 1950-е гг., массово внедряла в советское идеологическое пространство словосочетание *советский человек*. Смерть Сталина и смена власти никак не повлияли на разрушение этого неделимого словосочетания, но существенно изменили один из элементов – вместо *советский человек* на первый план вышла дефиниция *советские люди*, вполне в соответствии с идеологическим предписанием⁴⁸. Произведения Бориса Полевого по своему характеру – публицистика, что объясняется его обширным опытом военного корреспондента и функционера от литературы. Однако язык его рассказов и зарисовок неожиданно естественен и легок. Ни на йоту не отступив от сюжетного канона, заданного социалистическим реализмом, Полевому тем не менее удалось избежать обилия идеологических языковых штампов, характерных для официальной литературы. Его герои – солдаты, колхозники, учителя, шахтеры – говорят вполне естественным языком даже там, где речь идет о «государственных соображениях». Они – *советские люди*: дефиниция, которая оказалась неуязвимой к разрушению, поскольку основывалась на чем-то большем, чем партийная принадлежность или даже гражданская общность. «Советский народ – не миф и не публицистическое клише, это действенная и по сей день реальность, предполагающая определенное состояние сознания и установку на поведение личности»⁴⁹. В этом смысле словосочетание *советские люди*, безусловно, является аксиологическим прецедентом и могло быть разрушено только при изменении оценки идеологического пространства в целом, что в период «оттепели» было невозможно.

Политический поворот в сторону свертывания «оттепели» затормозил движение текста официальной литературы к освобождению от языкового идеологического шаблона, а семантическая деформация «метатекста» перешла в область неформальной советской литературы, развивавшейся параллельно, которая активно осваивала сатирические и иронические приемы. Смена «внешнего редактора» не означала отмену идеологического давления на язык, которое в самом общем виде можно определить как выражение в языковой форме определенной мировоззренческой установки. Чтобы разрушить языковой канон, необходимо было в первую очередь подвергнуть критике базовую идеологию о тотальной положительной сущности «советского».

Время «оттепели» стало знаковым в истории развития русского языка советского периода как начало преодоления идеологических схем, встроенных в сознание носителей языка. Литература «оттепели» четко обозначила возможные границы разрушения официальной языковой формулы как первые шаги к десакрализации партийного «метатекста». Постоянная апелляция к идеологическим стандартам или их избыточное использование в незначимом

⁴⁷ Казакевич Э. Двое в степи // Звезда. М., 2003. С. 34.

⁴⁸ Полевой Б.Н. Мы – советские люди. М., 1950.

⁴⁹ Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995. С. 3.

контексте сатирически маркировали героя-«архаиста» и партийного бюрократа, у которого языковая самобытность подавлялась предписанной мировоззренческой схемой. В то время как сатирические приемы были направлены на разрушение внешней формы языковой формулы, приемы иронического подрывали семантическую неделимость языкового канона изнутри: десакрализация «метатекста» открыла возможности его деидеологизации. Однако основные идеологемы и мифы оказались устойчивыми к разрушению, поскольку имели характер не внешнего языкового маркера, а были встроены в языковое сознание. Смоделированное прецедентными текстами пространство – Советский Союз – и идеологически обобщенное мировоззрение «советских людей» в литературе «оттепели» все еще не подвергались сомнению.

Литература

- Балтер Б.И. До свидания, мальчики. М., 1965. 324 с.
- Безансон А. Русское прошлое и советское настоящее / пер. и общ. ред. А. Бабича; вступ. ст. М. Геллера. London, 1984. 387 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 22–34.
- Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенность иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. С. 123–136.
- Винокур Т.Г. С Новым годом, шестьдесят вторым... // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 48–69.
- Выходцева И.С. Функционирование слова «товарищ» в советской словесной культуре // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2014. № 13. С. 30–38.
- Геллер М.Я. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.
- Горин Г. Путешествие на Венеру // Знание – сила. 1959. № 12. С. 50.
- Горнфельд А.Г. Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей рус. яз. и словесности в Петербурге 5 сент. 1921 г. Петроград: Колос, 1922.
- Добренко Е.А. Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 163–191.
- Дудинцев В.Д. Не хлебом единым. М.: Вече, 2011. 432 с.
- Зверев И.Ю. Защитник Седов. М.: Советский писатель, 1990. 478 с.
- Казакевич Э.Г. Двое в степи // Звезда. М.: Вече, 2004. 512 с.
- Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.
- Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин: Рус. универ. изд-во, 1923. 43 с.
- Коткин С. «Говорить по-большевистски» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Самарский университет, 2001. 376 с.
- Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, 1995. 144 с.
- Ленин В.И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. 1969. Т. 6. С. 39–40.
- Николаева Г.Е. Битва в пути. М.: Советская Россия, 1980. 614 с.
- Павловец М.Г. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 73–92.
- Полевой Б.Н. Мы – советские люди. М.: Детгиз, 1950. 306 с.
- Померанцев В.М. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 218–245.
- Разинкина Н.С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 26–29.
- Савина Т.В. «Пролетарии» и «буржуи»: иноязычная политическая лексика в крестьянских «письмах во власть» 1920-х годов // Россия XXI век. 2017. № 6. С. 104–117.

Сандомирская И.И. Язык-Сталин: «Марксизм и вопросы языкознания» как лингвистический поворот во вселенной СССР // *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia* / ed. by I. Lunde and T. Roesen. Bergen, 2006. P. 263–291.

Серво П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // *Политическая лингвистика*. 2008. № 5 (25). С. 160–167.

Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // *Рассказы*. СПб.: Азбука-классика. 2006. 576 с.

Сталин И.В. Речь на приеме работников высшей школы 17 мая 1938 года // *Правда*. 19 мая 1938 г.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу // *Понедельник начинается в субботу*. Сказка о Тройке. М., 1990. 318 с.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Страна багровых туч // *Страна багровых туч*. Рассказы. Статьи, интервью. М., 1993. 479 с.

Хомяков В.И. Культура и власть (Концепция сотворения мира в русской литературе советского периода 1920–1930-х годов) // *Омский научный вестник*. 2006. № 1 (34). С. 200–204.

Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // *Научные ведомости БелГу. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. № 14 (235). Вып. 30. С. 21–28.

Эренбург И.Г. Оттепель. М.: Советский писатель, 1954. 140 с.

Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 604 с.

Dobrenko E.A. Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power // *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*. Ed. By Petre Petrov and Lara Ryazanova-Clarke. London; New York, 2014. P. 19–39.

Lygo E. The Thaw Generation Poets in the Post-Soviet Period. Hodgson, Katharine, et al. *Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon*. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 329–354.

Rogers Th.F. Trends in Soviet Prose of the ‘Thaw’ Period // *The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association*. 1968. Vol. 22, No. 4. P. 198–207.

References

Balter, B.I. (1965). *Do svidaniya, mal’chiki* [Farewell, Boys]. Moscow. 324 p.

Bezanson, A. (1984) *Russkoe proshloe i sovetskoe nastoyashchee* [Russian Past and Soviet Present]. Tr. and ed. by A. Babich. Intro. by Mikhail Geller. London. 387 p.

Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2007). Evolyutsiya lingvisticheskoy sovetologii [Evolution of Linguistic Sovietology]. In *Politicheskaya lingvistika*. 2007. No. 3 (23), pp. 22–34.

Dobrenko, E.A. (2013). Gogoli i Shchedriny: uroki “polozhitel’noy satiry” [Gogols and Shchedrins: Lessons of “Positive Satire”]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 3 (121), pp. 163–191.

Dobrenko, E.A. (2014). Linguistic turn à la Soviétique: The Power of Grammar, and the Grammar of Power. In *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*. Ed. By Petre Petrov and Lara Ryazanova-Clarke. London, New York, pp. 19–39.

Dudintsev, V.D. (2011). *Ne khlebom edinym* [Not by Bread Alone]. Moscow, Veche. 432 p.

Ehrenburg, I.G. (1954). *Ottepel’* [The Thaw]. Moscow, Sovetskiy pisatel’. 140 p.

Geller M.Ya. (1994). *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka* [Cogs in the Wheel: The Formation of Soviet Man]. Moscow, MIK. 335 p.

Gorin, G. (1959). Puteshestvie na Veneru [Trip to Venus]. In *Znanie – sila*. No. 12, p. 50.

Gornfel’d, A.G. (1922). *Novye slovechki i starye slova. Rech’ na s’ezde prepodavateley rus. yaz. i slovesnosti v Peterburge 5 sent. 1921 g.* [New Words and Old Words. Speech at the Congress of Russian Language and Literature Teachers in St. Petersburg on 5 Sept. 1921]. Petrograd, Kolos. 43 p.

Kalinin, I.A. (2018). Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's Language is Made: The Material of History and the Method of Ideology]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. No. 15 (4), pp. 605–617.

Kartsevskii, S.O. (1923). *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin, Rus. univer. izd-vo. 43 p.

Kazakevich, E.G. (2004). Dvoe v stepi [The Two in Steppe]. In *Zvezda* [The Star]. Moscow, Veche. 512 p.

Khomyakov, V.I. (2006). Kul'tura i vlast' (Kontsepsiya sotvoreniya mira v russkoy literature sovetskogo perioda 1920–1930-kh godov) [Culture and Power (The Concept of World Creation in Russian Literature of the Soviet Period of the 1920s and 1930s)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik*. No. 1 (34), pp. 200–204.

Kotkin, S. (2001). “Govorit' po-bol'shevistski” [Speaking Bolshevik]. In *Amerikanskaya Rusicika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period*. Samara, Samarskiy Universitet. 376 p.

Kupina, N.A. (1995). *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Ekaterinburg. 144 p.

Lenin, V.I. (1969). *Chto delat'?* [What to Do?]. In *Complete works*. 5-e izd. Vol. 6, pp. 39–40.

Lygo, E. (2017). The Thaw Generation Poets in the Post-Soviet Period. Hodgson, Katharine, et al. *Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon*. Cambridge, Open Book Publishers, pp. 329–354.

Nikolaeva, G.E. (1980). *Bitva v puti* [Battle on the Way]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 314 p.

Pavlovets, M.G. (2016). Shkol'nyy kanon kak pole bitvy. Chast' pervaya: istoricheskaya rekonstruktsiya [School Canon as Battlefield. Chapter One: Historical Reconstruction]. In *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*. No. 2, pp. 73–92.

Polevoi, B.N. (1950). *My – sovetskie lyudi* [We are Soviet People]. Moscow, Detgiz, p. 306.

Pomerantsev, V.M. (1953). Ob iskrennosti v literature [On Sincerity in Literature]. In *Novyy mir*. No. 12, pp. 218–245.

Razinkina, N.S. (2011). Kontseptual'naya metafora v russkom yazyke sovetskogo perioda (1917–1956 gg.) [Conceptual Metaphor in the Russian Language of the Soviet Period (1917–1956)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 344, pp. 26–29.

Rogers, Th.F. (1968). Trends in Soviet Prose of the ‘Thaw’ Period. In *The Bulletin of the Rocky Mountain Modern Language Association*. Vol. 22, No. 4, pp. 198–207.

Sandomirskaya, I.I. (2006). *Yazyk-Stalin: “Marksizm i voprosy yazykoznaniya” kak lingvisticheskiy povorot vo vselennoy SSSR* [Language-Stalin: “Marxism and Linguistics Issues” as Linguistic Turn in USSR Universe]. In *Landslide of the Norm: Language Culture in Post-Soviet Russia*. Ed. by I. Lunde and T. Roesen. Bergen, pp. 263–291.

Savina, T.V. (2017). “Proletarii” i “burzhui”: inoyazychnaya politicheskaya leksika v krest'yanskikh “pis'makh vo vlast'” 1920-kh godov [“Proletarians” and “Bourgeois”: Borrowed Lexicon in Peasants Letters to Authorities]. In *Rossiya XXI vek*. No. 6, pp. 104–117.

Seriot, P. (2008). Derevyanny yazyk, yazyk drugogo i svoy yazyk. Poiski nastoyashchey rechi v sotsialisticheskoy Evrope 1980-kh godov [Wooden Language, the Language of Another and Your Own Language. The Search for Real Speech in Socialist Europe in the 1980s]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 5 (25), pp. 160–167.

Shipitsyna, G.M., Mamonova, Yu.O. (2016). Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovetskogo perioda [General Look at the Lexicon of the Russian Language of the Soviet Period]. In *Nauchnye vedomosti BeLGu. Seriya Gumanitarnye nauki*. No. 14 (235), Is. 30, pp. 21–28.

Solzhenitsyn, A.I. (2006). *Odin den' Ivana Denisovicha* [One Day in the Life of Ivan Denisovich]. In *Tales*. St. Petersburg, Azbuka-klassika. 576 p.

Stalin, I.V. (1938). Rech' na prieme rabotnikov vysshey shkoly 17 maya 1938 goda [Speech at the Reception of Employees of Higher Education]. In *Pravda*. 19 May, p. 1.

Strugatskii, A.N., Strugatskii, B.N. (1990). Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu [Monday Starts on Saturday]. In *Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu. Skazka o Troike*. Moscow. 318 p.

Strugatskii, A.N., Strugatskii, B.N. (1993). Strana bagrovykh tuch [Country of the Crimson Clouds]. In *Strana bagrovykh tuch. Rasskazy. Stat'i, interv'yu*. Moscow. 479 p.

Vaulina, S.S., Bulataya, E.V. (2021). Ironiya M.E. Saltykova-Shchedrina: osobennost' ironicheskoy otsenki v romane "Gospoda Golovlevy" [M. Saltykov-Shchedrin's Irony: The Peculiarity of Ironic Evaluation in the Novel "The Golovlevs"]. In *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*. Vol. 12, pp. 123–136.

Vinokur, T.G. (1991). S Novym godom, shest'desyat vtorym... [Happy 1966 New Year...]. In *Voprosy literatury*. No. 11/12, pp. 48–69.

Vykhodtseva, I.S. (2014). Funktsionirovanie slova "tovarishch" v sovetskoy slovesnoy kul'ture [The Word Comrade in Soviet Verbal Culture]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. No. 13, pp. 30–38.

Yurchak, A.V. (2014). *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever Until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, NLO. 604 p.

Zverev, I.Yu. (1990). *Zashchitnik Sedov* [Sedov, the Lawyer]. Moscow, Sovetskiy pisatel'. 478 p.